

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Immigration Policy of Tsarism in The North Caucasus and The Formation of
The Karachay-Balkar Diaspora in Turkey

Tamara Ş. BITTIROVA*

Резюме: формирование карачаево-балкарской диаспоры в Турции проходило в несколько этапов. Обусловлены они были многими причинами, в том числе переселенческой политикой царизма. Карачаево-балкарские общественные деятели, публицисты старались противодействовать процессу мухаджирства, выступая в российских печатных органах конца XIX – нач. XX вв. они также обращались в официальные правительственные органы с предложениями о социальных преобразованиях в горской жизни, что остановило бы, на их взгляд, поток эмигрантов. Несомненно, их деятельность имела значение в уменьшении мухаджиров в сравнении с другими северокавказскими народами. Тем не менее, карачаево-балкарские мухаджеры оказались рассеянными по всем областям Турции и в тех населенных пунктах, где они оказались в меньшинстве в процессе ассимиляции перешли в иноэтнические образования – турков, адыгов, кумыков, вайнахов. Те же, кто оказался в моноэтнических поселениях, сохранили до последнего времени язык и культуру, несмотря на высокие темпы урбанизации среди карачаево-балкарской диаспоры.

Ключевые слова: балкарцы и карачаевцы, публицистика, мухаджирство, диаспора, землячества-дернеки, этническое рассеяние.

Makale Gönderim:
19.10.2015

Kabul Tarihi:
10.12.2015

Abstract: The formation of Karachai-Balkarian Diaspora in Turkey took place in several stages. They were due to many reasons, including the resettlement

---

* Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки КБР, Заслуженный работник культуры РИ, Организация - ИГИ КБНЦ РАН, Должность - главный научный сотрудник, tbittir@mail.ru

policy of the tsarism. Karachai-Balkar public figures, editors tried to counteract the process of muhajirun, by communication in Russian print media late XIX - early. XX centuries. They also appealed to the official government bodies with proposals for social transformation in the life of mountaineers' population, what would stop, in their opinion, the flow of immigrants. North Caucasian peoples. However, the Karachai-Balkar emigrants were scattered in all regions of Turkey. In the communities where they were in minority they joined other ethnic groups in the process of assimilation - Turks, Circassians, Kumyk, Vainakh. Those who were in mono-ethnic villages have preserved until now the language and culture, despite the high rate of urbanization among Karachai-Balkarian Diaspora.

Key words and phrases: *Balkars and Karachai, journalism, editing, muhajirun, Diaspora, communities- derneks, ethnic scattering.*

Весь пореформенный период на Северном Кавказе, где на небольшом пространстве проживали десятки народов со своей уникальной культурой и историей, горские общества были раздираемы социальными противоречиями. Сразу после отмены крепостного права возникли проблемы, порожденные разрушением традиционной социальной структуры, и этот круг проблем обозначился как «вопрос сословный». С данным вопросом неразрывно были связаны вопросы земельные, т.к. плотность населения на этой вновь приобретенной территории России в несколько раз превышало среднероссийский показатель. «На протяжении всего пореформенного периода вопрос поземельного устройства в Балкарии сохранял особую остроту и злободневность. Вокруг него шла борьба различных общественных направлений», - отмечает Х.-М. Сабанчиев. (КРСС, 1983) Басият Шаханов, как и Мисост Абаев, при таком положении дел не могли оставаться в стороне и не высказать своего мнения. М. Абаев выступил в печати с несколькими статьями о бедственном положении балкарцев, причиной которого он считал неразрешенность земельного вопроса. А Б.Шаханов также рассматривал в своих публикациях различные проекты выхода из кризиса, впоследствии развернул активную деятельность по защите их земельных прав, в первую очередь, он принялся за правовое обоснование владения землей горцами, для чего сконцентрировал в своем «Возражении Абрамовской комиссии...» большой фактический материал по обычному праву и истории балкарцев (Komissiya ofisialno nazivalas, 1908).

Творчество известного балкарского общественного деятеля и публициста Басията Шаханова приходится на конец XIX – нач. XX века и в нем отражены актуальные проблемы северокавказского общества на рубеже веков. Царское правительство в поисках выхода из сложившейся ситуации выдвигало различные проекты по разрешению кризиса. И среди таких проектов, вызвавших бурю негодования в обществе, были проекты, связанными с переселением горцев Кавказа и одновременным образованием новых поселений с русским населением. Эту проблему освещали в той или иной степени практически все прогрессивные деятели Северного Кавказа, их озабоченность складывающимися обстоятельствами поддерживало русское демократическое движение. Большое внимание проблемам переселенческой политики царизма уделил В. И. Ленин, осветивший в своих работах причины, породившие столыпинскую аграрную реформу и Переселенческую политику как составную ее часть, цели и задачи, которые ставили перед собой организаторы ее проведения, итоги многолетней волны переселений на отдаленные окраины России. К таким работам относится статья "Переселенческий вопрос», в которой он прямо пишет: «Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России, то, спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?

Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин» (Lenin, t.21).

Основное содержание художественно-публицистических очерков и статей А. Шаханов – защита интересов горцев от произвола царских чиновников. Одаренный от природы литературным даром и, получив блестящее образование в лучших учебных заведениях России, А. Шаханов, начиная с 1908 года, в течение 10 лет защищал интересы горцев и как публицист, и как присяжный поверенный Владикавказского окружного суда.

Первая проба пера будущего публициста и общественного деятеля Басията Шаханова - "По поводу одного удивительного проекта" напечатана в газете "Казбек" от 8 января 1899 г. Поводом для ее написания послужили статьи некоего Карцова в "С-Петербургских ведомостях" о причинах разбоев на Кавказе, где автор для искоренения абречества предлагал выселить горцев Кавказа в Среднюю Азию. По мнению Карцова, там горцам «могла быть предоставлена свобода самоуправления, согласная с их бытом, без слишком близкого соприкосновения с русской полицией». Но Басият Шаханов высмеивает доводы Карцова: «Не менее забавен и еще один аргумент, которым г. Карцов пытается поддержать досужий плод своей фантазии. По его мнению, переселение это должно состояться тем легче, что, «по словам историков, из Средней же Азии и вышли Кавказские горцы!». Это уже настолько наивно, что и возражений не требуется» (Shahanov, 1991)

Б. Шаханов с негодованием отвергая "проект" Карцова, ищет истоки абречества в историческом прошлом народов Северного Кавказа. "До сих пор мы слышали немало всякого рода проектов борьбы с этим злом (абречеством - Т.Б.): были тут и хорошие, и дурные, и постепенные, и энергичные, но из всех них проект г. Карцова является, без сомнения, самым... удивительным!" [там же]

В статье "Еще переселение" Б.Шаханов продолжает полемику с теми, кто выдвигает в кавказской печати проекты выселения горцев для обуздания "головорезов". Статья посвящена в данном случае проектам заселения Кавказа русскими малоземельными крестьянами. Здесь публицист упрекает "прожектеров" в поверхностном подходе к условиям жизни горцев Кавказа, в частности малоземельной бедноты, разоблачает лицемерие и фальшь официальной пропаганды, утверждающей об излишках земель у кавказских горцев. Приводя данные официальной статистики, Б. Шаханов убедительно показывает, насколько беспросветна и тяжела жизнь беднейших горских масс. «По количеству надела земли, – читаем в одной книге по статистике Терской области, – чеченцы Грозненского округа стоят ниже беднейших крестьян Европейской России, где средний **минимальный надел** на ревизскую душу считается **одной**

удобной земли 3,43 д.»*. Надел чеченцев (4,5 д.) автор цитируемой книги считает **малым**, признавая **достаточными** (4,5-6,3 дес.) наделы плоскостных осетин и кумыков и **более чем достаточными** наделы одних лишь кабардинцев (6,3 дес. на душу). Вот в каких условиях находится землевладение на плоскости. Приведенные цифры взяты из сочинения, изданного официально, а потому и стоящего вне всяких подозрений и пристрастий к туземцам и красноречиво говорят за себя сами, что не нуждаются в каких-либо комментариях. Остается только обратить внимание на то обстоятельство, что «Военно-статистическое описание Терской области» издано в 1888 г., т. е. более 19 лет тому назад. За это время положение крестьянского землевладения сделалось еще тяжелее: «более чем достаточные» наделы стали «только достаточными», то, что было «достаточно» в 88 году, **«граничит теперь с нуждой»**. В горах и Чечне положение тоже ухудшилось (если только вообще была возможность ухудшений). За 10 лет народонаселение области увеличилось в 200 000 душ, а что же будет лет через 20-30?» Сравнивая проект Карцова и новый проект заселения Кавказа малоземельными русскими крестьянами, Б. Шаханов низводит эти проекты до абсурда: "который из этих проектов лучше - дело вкуса. По-моему - так оба лучше".

Проблемы, порождаемые аграрной политикой царизма, были в центре внимания передовых общественных деятелей Северного Кавказа. Не было среди них публициста, который в той или иной мере не коснулся бы этих вопросов в своих выступлениях в печати. Башир Далгат, Мисост Абаев, Чах Ахриев, Галиб Кашежев, Саид Габиев, Георгий Цаголов, Коста Хетагуров, Ислам Хубиев и другие написали яркие публицистические статьи, в которых отразили всю тяжесть экономического положения горцев, предлагали свои проекты для поднятия их жизненного уровня. При этом они придавали исключительно большое значение просвещению горцев, приобщению их к передовой европейской культуре и видели путь к благосостоянию своих народов через просвещение. Северокавказские просветители старались привить своему народу, занятому крестьянским трудом, также передовую агрокультуру. Они писали о многовековой истории сложившегося хозяйственного уклада горцев и о разрушении его кавказской войной, о традиционных формах ведения хозяйства и необходимости их усовершенствования, о нехватке земли в Нагорной полосе и порождаемых этими обстоятельствами драматических событиях...

Об этом же писали и осетинские публицисты А. Ардасенов и А. Гассиев, которые «хорошо понимали, что переселение безземельных русских крестьян в Терскую и Дагестанскую области ущемляет интересы коренных малоземельных крестьян и вызывает между ними вражду, ссоры, доходящие до кровопролития» (Ardasenov, 1976).

---

* Военно-статистическое описание Терской области. Г. Н Казбек. Издание отдела ген. штаба Кавказ, воен. округа, 1888, г. Тифлис.

Царское правительство с переселением безземельных и малоземельных крестьян Центральной России на окраины страны преследовало одновременно две цели: разрядить революционную обстановку Центра и ослабить протестные настроения на Кавказе, противопоставив интересы переселенцев и коренных жителей. Об этом Б. Шаханов напомнил в своей речи на объединенном собрании казаков и горцев уже после свержения самодержавия: «Старое правительство, раздавив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане» (Terskiy Vestnik, 1917).

В начале XX в. страсти разгорелись вокруг земельного вопроса. В то время как для царской администрации его решение было необходимо для облегчения управления областью, социальные верхи, воспользовавшись сложившейся ситуацией, ставили своей целью доказать исключительное право собственности высших сословий. А зарождавшаяся буржуазия пыталась укрепить свои позиции, отрицая наличие частной земельной собственности, с одной стороны, утрируя общинный характер землепользования, а с другой – утверждая, что все земли Нагорной полосы должны принадлежать казне, которая, естественно, даст их на откуп «денежному мешку». Положение усугублялось еще и тем, что земельная собственность в Нагорной полосе была юридически (относительно русской юриспруденции) слабо оформлена, хотя обычное право горцев, складывавшееся веками, имело довольно стройную систему земельных отношений. Каждый клочок земли имел своего хозяина, право собственности которого веками охранялось традицией. Тем не менее, проект Абрамовской комиссии, занимавшейся изучением состояния землевладения и землепользования в Нагорной полосе, предполагал отчуждение казне всех земельных наделов горцев. Б. А. Шаханов еще за несколько лет до создания Абрамовской комиссии считал, что «для правильного разрешения характера и пространства землевладения в горах является необходимость учредить специальную комиссию из юристов и знатоков края и подробно исследовать этот вопрос на месте, только тогда можно будет правильно решить, кому по справедливости и какая земля принадлежит в горах и у кого, как захватчика, можно отобрать землю для наделения ею народа». В этой же статье («О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области») Б. Шаханов с тревогой писал: «...местное управление государственных имуществ отобрало фактически все леса в горах в казну и считает казенною и безлесную часть горной полосы» (Kazbek, 1901).

Публицистика и общественная деятельность Б. Шаханова пришлись именно на те годы, когда буржуазия (в основном русская и иностранная) постепенно брала верх над местными землевладельцами и всеми силами старалась прибрать к рукам недра Нагорной области, а также контроль над зарождающимися

курортно-рекреационными объектами. Буржуазия использовала свои связи, практиковала подкуп и подлог, чтобы добиться своей цели. Такой грубой оценкой традиционных форм землепользования как несоответствующим российским земельным отношениям был и проект Абрамовской комиссии. Ведь если доказать, что горцы - не хозяева земли Нагорной полосы, то, естественно, ее хозяином является государство. Поэтому и возможно было появление различного рода планов переселения и выселения горцев, которые были основаны формально на том, что горцы не имеют права собственности, закрепленного документальными свидетельствами на землю. В ситуации, когда право собственности было главным имущественным правом в Нагорной полосе, и веками определяло ее хозяйственный уклад, этнокультуру и этнопсихологию, лишение такого права горцев означало этническую катастрофу. Об этом не уставал писать и говорить Басият Шаханов. Данной теме посвятил значительную часть своего творчества и Мисост Абаев, который основную причину мухаджирства видел в ухудшении экономического положения горцев после ряда реформ на Кавказе.

Нерешенность земельных проблем создавало условия и поддерживало начавшееся стремление части балкарцев и карачаевцев покинуть Родину в поисках лучшей доли. Мисост Абаев испытал тяжесть переселенческого движения и через собственный жизненный опыт. Отец Мисоста – Кучку после неоднократных неудачных попыток улучшить материальное положение семьи, в 1865 году «продал все свое движимое и недвижимое имущество, но внезапно скончался», – пишут авторы книги «Мисост Абаев», оставив без средств к существованию жену и малолетних детей (Azamatov and Nutuev, 1980). Что же побудило Каучука Абаева искать счастья в незнакомой «земле обетованной» – «муслиман топракъ», как называли балкарцы и карачаевцы Турцию и страны Ближнего Востока? На этот вопрос Мисост Абаев ответил в своей специальной статье «Большой вопрос», считая это общественное явление основным злом в общественной жизни рубежа веков. «Главным тормозом для горцев-мусульман в деле улучшения своего экономического положения на родине, образования, культуры - да и во всем служит вопрос о переселении в Турцию, периодически поднимающийся в народе начиная с 60-х годов прошлого столетия, – писал М. Абаев. - На моих глазах несколько раз начиналось сильное движение к переселению. Люди оставляли недостроенными начатые дома, в приготовленные ямы для посадки деревьев не сажали их, продавалось имущество, и лица, желавшие купить земли, отказывались от покупки, а владельцы земель продавали их за бесценок посторонним, пришлым людям, родители брали своих детей из русских школ и т. д. Попутно с этим дурной элемент усиленно начинал заниматься кражами и грабежами, якобы запасаясь средствами для переселения, а местная администрация начинала, естественно, принимать репрессивные меры против всего населения, одновременно создавая и исключительные законы вроде «Правил об охране имущества русского населения от хищничества туземцев», что еще более усугубляло движение к переселению,

как это было в 80-х годах в бытность главноначальствующего на Кавказе Дондукова-Корсакова...^{*} (Bittirova, 1993).

Драматические обстоятельства, предшествовавшие мухаджирству, Мисостом Абаевым описаны объемно и достоверно, в деталях и от этого, ситуация достигает своего трагизма: «Одни переселялись, другие оставались, почти лишившись состояния, и вновь принимались за хозяйство. Когда утихало это движение на несколько лет, население успокаивалось и вновь стремилось к улучшению своего имущества и отдавало детей своих в русские школы. Но вдруг являлся откуда-то новый толчок, и повторялось то же, что и раньше, и продолжается, к сожалению, до сего времени.

Несмотря на то, что значительная часть переселенцев возвращается ежегодно обратно, разоренная, изнуренная и лишившаяся членов своих семей, тем не менее, новые партии идут в Турцию, по-старому распродавая за бесценок свое имущество.

При поверхностном взгляде на это странное явление оно кажется не поддающимся объяснению, но если присмотреться ближе, то можно найти причину. Причины эти довольно сложные, устранить их окончательно нелегко и едва ли возможно в ближайшем времени, однако те немногие интеллигентные горцы-мусульмане, которым дорого благополучие своих племен, должны работать серьезно с целью выяснения этих причин и устранения их, ибо недостаточно сказать: «Не переселяйтесь» (там же).

Мисост Абаев ищет единомышленников в этом вопросе и неоднократно обращается к образованным горцам сделать все, чтобы приостановить поток мухаджиров. Он также анализирует сложившиеся стереотипы о причинах переселения горцев: «В русском обществе сложилось мнение, что будто бы единственная причина стремления горцев в Турцию – религиозный фанатизм, а в одно время приписывали и влиянию турецкого правительства. Это мнение поддерживали и кавказские администраторы. Но мнение это ошибочное, и если местная администрация остается убежденной в своем мнении, то приходится сожалеть, что она недостаточно осведомлена. Несомненно, среди переселенцев есть люди, которых тянет в мусульманское государство и религиозное чувство, но главную роль играют не эти чувства, а экономические, политические и иные условия. Есть веские основания полагать, что истинные причины непрекращающегося переселения горцев в Турцию не вполне известны высшим правительственным сферам. Тем более, молодым (старых почти нет) интеллигентным мусульманам-горцам следует заняться выяснением этих причин». (там же)

---

^{*} Дондуков-Корсаков М. А. – в 80-е годы XIX века главноначальствующий на Кавказе.

Процесс переселения во многом был болезненным. Лицемерие царского правительства в этом вопросе раскрывали в своих публикациях, как представители горской интеллигенции, так и передовые общественные деятели России. Так, к примеру, в 1887 году, в самый разгар переселенческого движения в Карачае и Балкарии, в своих «Очерках Кавказа», обсуждая действия правительства, Е. Марков писал: «Поселить в туземных племенах неудовольствие, волнения, беспорядки, бросить их намеренно в объятия Турции, убедить правительство, что цивилизация и русское владычество несовместимы с их разбойничьими вкусами, и потом, в виде мудрой государственной меры, выкинуть их из их собственной страны, чтобы вознаградить самих себя за свои государственные заслуги садами и полями, терпеливо, в течение столетий, возделываемыми этими мнимыми разбойниками, – вот та система, которая смело поднимает голову...» (Markov, 1887).

Взгляд российского общества на трагические для северокавказских народов события был неоднозначен. Вместе с осуждением царского произвола со стороны демократов, существовало и мнение, что это «представляет одно из замечательных исторических событий нашего времени, хотя до сих пор оно не разъяснено и не описано так подробно, как бы следовало. Полумиллионное население из многих племен разного корня, с своеобразными этнографическими особенностями, с самобытным строем внутренней и общественной жизни, покинуло родные горы, в которых пережило длинный ряд веков и рассеялось по разным провинциям Европейской и Азиатской Турции, где частью погибло от трудностей переселения и других условий жизни, частью смешалось с разнородными племенами на местах нового водворения и с течением времени неизбежно должно утратить свои исторические предания и характеристические особенности» (Berje, 1882). Это написано не каким-нибудь военным стратегом или представителем латифундистов, данные мысли были озвучены ученым мужем, академиком А. Берже, который многое сделал для изучения языков народов Кавказа. Академику Берже могли бы достойно ответить мухаджире - безымянные авторы большого цикла песен, посвященных теме потерянной родины, в которых беспредельная тоска перемежается с мыслями о безысходности.

Несмотря на то, что турецкое правительство официально и многократно объявляло о своей готовности создать эмигрантам комфортные условия для проживания, жители соседних турецких деревень оказывали на вновь прибывших повседневное давление. О характере взаимоотношений мухаджиров и турков в первоначальный период сохранилось множество устных преданий, свидетельства стариков и даже фольклорные произведения. Так, в песне «Жилисаны тауруху» - «Легенда Килисы» рассказывается о драматических коллизиях истории выживания мухаджиров в новых условиях:

«Мен а айтайым а Килийса элини кьарангы таурухун,
Уоу, Тюркменлени уа бизге да этген артыгъа жаулугъун, хой.
Биз чыкыгъан эдик уллу Тебердиден, уоу, кьууанч была,
Ол ариу Кафказдан юзюлюп келгенек Тюрк Кьыралына, хой.
Уллу кемелеге бизни да толтуруп ташыгъанелле,
Уоу, жууугъа тенг бизни жылай, сарнай ашыргъанелле, хой.
Шамгъа барабыз деп жууукъну-тенгни кьююп кетгенедик,
Къарада тенгизни узунуна жарып биз ётгенедик хой.
Муслиман кьырал деп, келип кьуюлгъанек Истанпул шахаргъа.
Сиз тынглагъыз андан а сора кьыйынлыкъ хапаргъа, хой..
Падчах Солтан Хамит бизни бергенеди Кьония уилаятгъа.
Анда жашаялмай биз келгенедик Килийса жайлыкъгъа, хой...»

Подстр. пер.

«Я вам расскажу черную (трагическую) легенду села Килийса.
О том, как туркмены* с нами враждовали.
Мы вышли в путь из Теберды с радостью,
Покинув прекрасный Кавказ в страну Турцию, ой.
Нас везли, заполнив большие корабли.
Уой, родные и друзья со слезами нас провожали, ой.
Мы переплыли, разрезав пополам Черное море
Мы заполнили улицы Стамбула, стермясь к исламской стране.
А теперь послушайте наши дальнейшие бедствия, ой.
Солтан Хамид паша отправил нас в вилает Кония,
Но мы не смогли там прожить и прибыли в Килийсу, ой...» (Polevie zapisi).

Однако и здесь судьба преподносила им удар за ударом. Кочевое племя йориков, в окружении которого оказались поселенцы, угоняло их скот, травило посе́вы. Мухаджирам частенько приходилось защищаться с оружием в руках. И все же жизнь постепенно налаживалась благодаря тому, что сами переселенцы вели себя достойно и стойко:

«Алай жарашыу а къартларыбыз баред, адам сукъланырча,
Тиширыуларыбыз адепли элле алгъышда айтырча, хой.
Уоу, жашларыбыз а алай а бёгекле, алай а батырла,
Уоу, кьызларыбыз а жарыкъ жулдузлача алай а ариула, хой...»

---

* в районах проживания карачаево-балкарской диаспоры живут потомки туркмен, которых еще называют йориками – кочевниками.

Подстр. пер.

«Но у нас были, на зависть всем, старики-миротворцы,
Женщины были столь воспитаны, чтобы говорить о них здравицы,
А ребята такие сильные, такие смелые.
А девушки красивые, как ясные звезды...» (там же).

В другой песне «Ракима» подспудно осуждаются браки между представителями диаспоры и местными жителями. Этот неосознанный страх перед ассимиляцией – тема большинства авторских и фольклорных произведений диаспоры.

Начиная с первых лет формирования, в течение 19 века, а по многим показателям и все сто лет, карачаево-балкарская диаспора находилась в режиме этнического гомеостаза, когда «ее жизненный цикл повторяется из поколения в поколение без существенных изменений, и система сохраняет равновесие с природой и всеми подобными (т.е. статистическими) этническими системами, не проявляя при этом каких-либо форм целенаправленной активности, изменяющейся среды» (Tavadox, 1998). Необходимо отметить, что и сама принимающая мухаджиров страна, ее основное население находилось в состоянии достаточно консервативного общества, основанного на идеологии османизма и религиозных адептов. Основное население страны – сельские жители вели традиционный патриархальный образ жизни. Все это давало возможность мухаджирам воссоздать собственные социальные институты в новой стране, ориентируясь на традиционную этнокультуру. Основная трудность в налаживании быта лежала не в сфере идеологических предпочтений (ибо они в большинстве своем совпадали), а в хозяйственном обустройстве.

По общепринятому у исследователей проблем карачаево-балкарского мухаджирства представлению, существуют две волны эмиграции, два заметных периода выселения части этноса за пределы России – это 1884-1887-е годы 19 века и 1905-1906 гг., послужившие основой для создания национальной диаспоры. По данным З. Кипкеевой, общее число переселенцев этих двух волн составило «не менее 12 000 человек» (Kipkeeva, 2000). Балкарцев было в эти два периода значительно меньше карачаевцев. Опираясь на подсчеты Т.Х. Кумыкова, автор пишет, что «число балкарских мухаджиров второй волны – это более 2 000 человек» (там же). У каждой из этих волн были свои причины и факторы для того, чтобы покинуть родные пределы.

Исследовав причины и факторы переселения карачаево-балкарских мухаджиров, Кипкеева З.Б. приходит к выводу, что «Мухаджирство большей части народов Карачая и Балкарии нельзя рассматривать на общем фоне вынужденного переселения адыгских и некоторых других этносов, связанного с

поражением в Кавказской войне и присоединением к России. Карачаевцы и балкарцы переселились в другое время по совершенно иным причинам и в иных условиях...» (там же, 121). И условия, по ее мнению, были чисто экономического характера.

Помимо этих двух периодов исхода, характеризующихся многочисленностью, существовали и небольшие потоки беженцев. Связаны они были с различными периодами российской истории, как периода царизма, так и советского – русско-японская и Первая мировая войны, революции, гражданская война, десятилетия сталинских репрессий, Великая Отечественная война, во время которых массы людей по политическим и другим мотивам покидали родину.

Первыми карачаево-балкарскими мухаджирами³⁶, возможно, были те, кто после походов Суворова на Северный Кавказ покидали его, т.е. в конце 18 века. Естественно, в виду малочисленности они давно ассимилированы в условиях Османской империи. Об этих фактах переселений документальных источников не обнаружено, только полевой материал говорит об этом. Первый небольшой поток, отразившийся в исторических источниках, состоял из тех, кто после присоединения Карачая и Балкарии к России и известного Хасаукинского сражения в ноябре 1828 года, покинул Кавказ. Об этом свидетельствуют исследователи эпических песен «Хасаука» и «Умар» (Batchaev, 2005). **По мнению Кагиевой Н.М. автор песен Кючюк** улу Дебо покинул Карачай вместе со своими единомышленниками. В статье «Миграции карачаевцев и балкарцев» потомок карачаево-балкарских мухаджиров Алпарслан Сылпагар, живущий в турецкой республике, об этом движении пишет: «Некоторые семьи бежали в Турцию через Клухорский перевал. Перейдя границы Грузии, они оказались в провинции Карс. Это были отдельные семьи, и потом они оказались в больших городах, таких как Стамбул и Анкара, и на сегодняшний день их следы потерялись и они забыли родной язык, обычаи и традиции»³⁷.

Карачаево-балкарские мухаджиры впервые компактно поселились в провинции Эскишехир в 1883 году, которая в последующем станет основным местом локализации диаспоры, образовав первое моноэтническое поселение Язылыккая. В провинцию прибыло тогда 75 семей, из которых 25 оказались в Язылыккая. Остальные расселились в ближних селах небольшими группами.

---

³⁶ Необходимо ввести уточнение в принятой научной литературе о кавказских диаспорах термин «мухаджир» («Махаджир»). Мухаджиры – это горцы, покинувшие пределы Кавказа в результате Кавказской войны, и их сегодняшние потомки, не потерявшие связей с исторической родиной. В самой турецкой республике мухаджирами называют выходцев из стран Балканского полуострова, как правило, турков. Карачаевцы и балкарцы мухаджиров называли «стампулчула» - «стамбульцы», а по времени исхода – «биринчи стампулчула», «экинчи стампулчула» («первые стамбульцы», «вторые стамбульцы»). В самой Турции мухаджирами называют выходцев с Балканского полуострова.

³⁷ view-source: <https://www.facebook.com/alparslancanbolat?fref=ts>

Переселенцы 1885 года, стали в народе называться «Стампулчула» - «стамбульцы» - «переселившиеся в Стамбул», т.к. сведения о Турции среди населения были весьма приблизительными и кроме столицы о других местах предполагаемого расселения горцев было неизвестно. В этом году переселилось приблизительно 500 семей, которые на кораблях приплыли в Самсунг и направились дальше в Сирию. Их поселили недалеко от Дамаска, в местечке Блей. По свидетельству Алпарслана Сылпагара приблизительно 100 семей оставались в Самсуне, часть, которой присоединилась к мухаджирам вилайета Эскишехир, большинство же ассимилировалось. Кроме того, в начале 20 века несколько сот балкарцев переселилось с кабардинцами и дигорцами и, оказавшись в их поселениях в меньшинстве, ассимилировались.

Последний, заметный поток беженцев влился в диаспору после 2 Мировой войны, оценка его численности по разным источникам колеблется от нескольких сот до нескольких тысяч. Кроме того, сами беженцы - мюльтежи (так их называли в диаспоре, от арабского – беженец), вскоре эмигрировали в большинстве своем в США и европейские страны.

В итоге карачаево-балкарские мухаджиры оказались рассеянными по всем областям Турции и в тех населенных пунктах, где они оказались в меньшинстве в процессе ассимиляции перешли в иноэтнические образования – турков, адыгов, кумыков, вайнахов. Те же, кто оказался в моноэтнических поселениях, сохранили до последнего времени язык и культуру, несмотря на высокие темпы урбанизации среди карачаево-балкарской диаспоры.

ЛІТЕРАТУРА

- KPSS (1983) Torjestvo leninskoy nasionalnoy politiki. Nalçik, s.179.
- Komissiya ofisialno nazivalas (1908) - «Komissiya po issledovaniyu sovremennogo polojeniya zemlepolzovaniya v Nagornoy polose Ter-skoj oblasti». Obrazovana prikazom po Kavkazskomu voyen-nomu okrugu 18 aprelâ 1906 g. dlâ razreşeniya voprosa o zemleustroy-stve naseleniya Nagornoy polosı Terskoj oblasti i karaçayevsev Ku-banskoy oblasti. Komissiya naçala svoyu rabotu 1 maya 1906 g. i rabotala v teçeniye 1907-1908 gg. Komissiya, prozvannaya vposledstvii po imeni eye predsedatelâ N. Abramova Abramovskoy, sostoyala iz semi çelovek: Abramov - üriskonsult Kavkazskogo voyennogo okruga, Balkov - lesnoy revizor Stavropolsko-Terskogo upravleniya zemledeliya, İvanenko - pomoşçnik upravlâüşçego Kubanskoy oblastnoy çertejnoj, Şanayev - lesnoy revizor Stavropolsko-Terskogo upravleniya zemle-deliya, Ter-Antonâns - pomoşçnik upravlâüşçego Terskoj oblastnoy çertejnoj, Tulçinskiy - starşiy zemlemer Terskoj oblastnoy çer-tejnoj. «Trudi...» komissii vışli v 1908 g. v g. Vladikavkaze.
- LENİN V. İ. (t. 21) Poln. sobr. soç., t.21, s.330.
- SHAHANOV, Basiyat (1991). İzbrannaya publisistika. Vvodnaya statâ, sostavleniye, nauçnyı kommentariy Bittirovoy T.Ş.. Nalçik, «Elbrus», Vse rabotı B.Şahanova sitiruyutsâ po dannomu izdaniyu.
- ARDASENOV İ. M. (1976) Alihan Ardasenov. Orconikidze, s. 109
- Terskiy vestnik (1917). 7 maya. № 6.
- Kazbek (1901). 22 apr. № 1028.
- AZAMATOV K. G. and HUTUYEV H. İ. (1980). Misost Abayev. Nalçik, s. 6.
- BİTTİROVA T.Ş. (1993). Karaçayev-balkarskiye deyateli kulturı H1H-naç.HH vv. Tom 1. Vvodnaya statâ, sostavleniye, nauçnyı kommentariy Bittirovoy T.Ş.. Nalçik, «Elbrus», 170 s.
- MARKOV E. (1887). Oçerki Kavkaza. SPb.- M. s.303.
- BERJE A. P. (1882) Viseleniye gorsev s Kavkaza. Russkaya starina, №1, İnternet-resurs <http://www.vostlit.info/Tehts/Dokumenty/Kavkaz/H1H/1840-1860/Berze/teht2.htm>
- Poleviye zapisi avtora v Tureskoj respublike
- TAVADOV G.T. (1998). Slovar -spravoçnik «Etnologiya», M. str. 3
- KİPKKEVA Z. B. (2000) Karaçayev-balkarskaya diaspora v Tursii. Stavropol, s.52.
- BATCHAYEV, Ş.M. (2005) Karaçayevsı v voynah Rossii (vtoraya polovina H1H -naçalo HH v.) Tekst. / Ş.M. Batçayev. — M.: Repräsentr, s. 176.